

«Он — из тех, кто не просто «работает», но и служит искусству, — и это служение проявляется каждый день, в каждом его спектакле», — так говорит Вячеслав Долгачев, об артисте Олеге Бурзыгине, доставшемся ему «по наследству» от Б.А.Львова-Анохина. Актер занят во всех премьерах Нового драматического театра. А театр понемногу набирает популярности...

— Ваш театр долго относился к «неблагополучным»: далеко расположен, плохо посещается. Трудно жить в театре с такой репутацией?

— Это была некая лаборатория, которая не работала на результат, на зрителя, на кассу. Львов-Анохин — абсолютный театральный эстет, который знал «от и до» всю подноготную театра, и ему были интересны только театральные изыски. Он делал театр для себя.

— А вы что делали в этом театре?

— Я приходил два-три раза в месяц, что-то играл, мы выпивали... Так продолжалось пять лет. Потом пришел Долгачев.

— Вы сейчас уже можете сказать: что он дал Вам как артисту?

— Простите меня за пафос — для меня это ренессанс. Это человек, который очень серьезно занимается профессией. Требует. Выжимает из человека все, что он считает должным для дела. Меня это встрянуло, пенделя под зад дало хорошенько, потому что ничегонеделание — это профессиональная смерть. В общем, сон закончился.

— Вам сорок лет. У вас семья. На зарплату, которую имеет артист, прожить нельзя. Вас не мучает невозможность обеспечить семью?

— Почему невозможность? Я обеспечиваю — как я могу позволить не обеспечивать свою собственную семью?! Есть такое занятие, называется «халтура». Все равно, правда, она связана с профессией. Какие-то концерты, антрепризные спектакли, шоу, казино, вечеринки и так далее.

— Есть какие-то более простые способы и тоже связанные с профессией — пойти сняться в сериале...

— Для меня это физически, физиологически невозможно. Деньги я заработаю в другом месте, честное слово. Потому что это, как для собаки, которая потеряла нюх. Сериалы отбивают нормальный человеческий и профессиональный нюх, вкус, как хотите. Исключения очень редки. Это нельзя назвать профессией, смешно вообще говорить о какой-то «работе». Я ни в коем случае не умаляю достоинство актеров, которые в них снимаются, — но я просто устроен иначе.

— Но ведь сериалы приносят актеру популярность...

— Понимаете, я... Как там у Горького? «Я видел небо». До Нового театра я работал у Спесивцева. Тогда его театр был безумно, бешено популярен. Спектакли шли при аншлаге, я был занят пять раз в неделю, играл очень много главных ролей, был узнаваем театральной Москвой. Такая чисто театральная популярность мне была приятна, потому что существовал предмет разговора — моя роль, и я отвечал за то, что делаю.

— Вообще вы своей театральной биографией довольны?

— Профессионально я безумно счастливый. Начнем с того, что я занимаюсь театром с восьмого класса. Появился в нашей школе как-то человек, который организовал театральную студию. У нас была компания: Саша Гордон, Гриша Константинопольский... Мы сами себя называли «микроскоп», «избранные». Мы доставали расписочки, читали, что хотели, от Гумилева до Набокова, жили искусством. И, естественно, сами писали стихи и песни, ставили спектакли, в общем, это был какой-то такой юношеский отрыв от всего вокруг происходящего. Это мне дало такой мощный толчок на всю жизнь.

— А честолюбивым быть научило?

— Нет. Мы же все «дети застоя» — у очень многих отсутствует тщеславие, даже, может быть, цели в жизни... С другой стороны, у нас, и у меня, в частности, потрясающее чувство свободы: росли ведь тогда, когда «все было нельзя», а делали, что хотели. Вот я закончил театральное училище в Казани...

ОЛЕГ БУРЫГИН: Я ЕЩЕ ПОЛУЧУ КАЙФ

— Почему в Казани?

— Потому что в Москве не поступил. Между прочим, совсем не жалею — был замечательный педагог, Дамир Серазеев, татарин с потрясающим русским театральным менталитетом. Потом вернулся в Москву, начал репетировать у Виктюка, он тогда ставил в «Современнике» «Квартиру Коломбины». Но тут познакомился с девушкой — она мне улыбнулась на улице, я безумно влюбился — и она меня перетаскала в театр к Спесивцеву. Он талантливый человек, умеющий заражать всех какой-то главной идеей. Еще ревнивый до бешенства: запрещал сниматься в кино, вот Вам еще одна причина, почему меня нет на экране. Потом я исчерпал свои ресурсы, которые его устраивали, а он, видимо, свои режиссерские, да и театр вдруг стал превращаться в студию... Я просто бежал. И пустился в разные авантюры — заграничные, которые тем не менее как-то здорово все прошли. Я на год уехал в Канаду, в Америку на такой «French-фестиваль». Ты из Москвы оплачиваешь рабочую площадку, присаживаешь и живешь только на то, что заработал. Пришел зритель — посмотрел — ты имеешь деньги. У нас подобралась группа ребят — американцы, англичане, индейцы, шотландцы, которые здесь тусовались, и мы сделали об-

щие спектакли, колесили сначала по всей Канаде, от одного океана до другого, потом переехали в Америку.

— И вот вы заработали там денег, и...

— Да ну что вы! То, что мы заработали, тут же проели, пропили, прокутили — отрывались по полной программе. Там купили аккордеон и устраивали концерты. Быстренько сделали попсу русскую — от «Яблони и груши» до «Хава нагила». И вчетвером-впятером пели в ресторанах, на улицах, в домах престарелых... Это было удовольствие, одним словом.

— Вы в «Двенадцати разгневанных мужчинах» играете роль одного из присяжных, и когда я смотрела спектакль, то поначалу мне показалось — ну правда, самый натуральный кавказец...

— Это была моя первая работа с Долгачевым. Он тогда многих из нас бросил в материал и сказал: «Давайте». Ну я и начал «давать». Он посмотрел: «Олег, это ни два ни полтора». Я говорю: «Хорошо, это будет не два и даже не четыре, это будет гораздо больше». И предложил ему такой «кавказский вариант». У Роуза ведь просто некий персонаж-иностранец. А здесь конкретная ситуация, российская, узнаваемая. Долгачеву понравилось: «Развивайте!» И как же я влип! Ведь одно дело — анекдотец рассказать с кавказским акцентом,

другое — весь спектакль провести на этой фонетике и пластике. Я прихожу на каждый спектакль часа за два, сажусь, открываю книгу и начинаю «ломать язык» — прививать себе акцент, чтобы не резало, чтобы это не был анекдотный грузин.

— «Время рожать», последняя премьера, стала для вас важным профессиональным событием?

— Пришел Долгачев с очередным проектом. Сказал: «Вот книга. Почитайте, и то, что вам понравится, и пожалуйста на самостоятельную работу. Потом Вы мне покажете, и мы будем все это вместе выстраивать». Я хотел чего полегче. Взял рассказ «Муха» — легкий, язык интересный, без изысков, вкусный, понятный. Ситуация абсолютно житейская, с одной стороны, а с другой — какая-то фантазмагория. Показали мы Долгачеву. Он сказал: «Боже ж мой! Это же клуб «Каучук», 50-е годы, так уже давно никто не играет!». И так продолжалось месяца два. После этого захотелось выбросить все, сжечь книгу, уйти из профессии! И вот от отчаяния — слава Богу, что оно иногда посещает человека, толкает его на какие-то поступки, — я решил: нет, я так просто этого не оставлю.

— Простого там у вас ничего не получилось...

— Оказалось все настолько сложно... Когда начались первые прогоны, я снова понял, как я влип. Хотел так — легкой кровью отделаться, а не получилось. Но в конечном итоге спектакль начинает жить своей жизнью. И я в нем... Я терпеть не могу повторяться, «фиксировать жест» и всякое такое! Не могу! Бесит! И Долгачев предложил: «Вы в каждом спектакле пробуйте. Эксперимент проводите. Ищите сами свое существование. На себя работайте». Когда включаешься в эту игру с самим собой — это несказанное удовольствие.

— А к другому режиссеру, в другой театр вы бы пошли?

— Конечно. Люблю я это дело. И учиться очень люблю. Мне повезло: я работал с разными мастерами. У Спесивцева была жесткая конструкция, видение спектакля, все было выверено до жеста. Долгачев ищет, чем тебя по-человечески зацепить. И если на это настроиться — ты понимаешь, что ты еще можешь, ты еще себя до конца не знаешь! Мне нравится в 40 лет узнавать, что во мне еще есть что-то неиспользованное неизвестное.

— Вам везет в жизни?

— Конечно! Я видел живьем и Маркеса, и Айтматова, и Венечку Ерофееву... Когда у Спесивцева выпускали спектакль «Москва-Петушки», где я главную роль играл, то Венечку спросили: «Ну как Вам этот персонаж?» А он уже был больной, Венечка-то. «Ну что, — говорит, — я могу сказать. Ты такой же раздолбай, как и я». Для меня это было таким комплиментом! Я чуть не расплакался в его присутствии! Если говорить, откуда черпать прану, в лесу там, у дерева подзарядиться, — то я получаю энергию из книг, а уж общение с такими людьми — даже мимолетное — тебя настраивает на потрясающую волну... Сияние какое-то вокруг людей разлито!

— Да уж, «сосуд праны» — Венечка Ерофеева...

— А Маркес! Маленький! Клетчатый весь! В кепаре! С сигарой! Он приехал, чтобы дать разрешение на постановку. Пришел — солнце это маленькое взошло. Ни слова не сказал. Улыбался во всю ширь. Разрешил...

— В общем, вам хочется — по Мандельштаму — побыть и поиграть с людьми...

— Вы что-то говорили про сорок лет, намекали, наверное, на «кризис сорокалетнего мужчины». На то, что вот деньги надо зарабатывать... Дело в том, что одних денег мало. Надо еще знать, что тебе есть куда идти, что ты еще не все допонял и у тебя открыт путь к развитию. Как говорила моя педагог по русскому театру — «Вы читали такую-то книгу?» — «Нет, не читал». — «Какой вы счастливый! Вы еще не читали, вы еще получите кайф!» Я еще получу кайф от многого, я надеюсь, в профессии. У меня есть перспектива — значит, я счастливый.

Ирина ТОДРИНА
Фото Сергея ИВАНОВА

Наш подписной
индекс:

42555

ГАЗЕТУ ВСЕГДА
МОЖНО КУПИТЬ:

в театральном магазине СТД
(Страстной бульвар, дом 10. телефон: 229-94-84)

Учредитель: трудовой коллектив
Издание зарегистрировано в Московском
региональном управлении Комитета РФ по
печати 15.11.1996 г. Свидетельство № А-
0957. Цена свободная.

Главный редактор
Андрей Недзвецкий
Ответственный секретарь
Ирина Бурова

Выходит 1 раз в месяц. № 8 (63).
Номер подписан в печать 23.10.2003 г.
Газета отпечатана в типографии «Пронто-Принт»
Тираж 23 000 экз. Заказ № 2485

Адрес редакции: 127224, Москва, а/я 145
Телефон/факс 287-41-27, 287-09-10
e-mail: gtk@m5.ru
При перепечатке ссылка обязательна.